

## Про Старого (3)

Недалёко было от города от Киева,  
Не далёко и не близко — за двенадцать вёрст,  
Стояла застава богатырская,  
Не велика, не мала — тридцать со богатырём.  
Они хранили-караулили стольный Киев-град.  
Тут залегала дорожка ровно тридцать лет:  
Ни конный, ни пеший не прохаживал,  
Ни рыскуций зверь не прорыскивал,  
Ни ясен сокол не пролётывал.  
Был атаманом Илья Муромец.  
Вставал старой поутру ранёшенько,  
Омывается старой да ключевой водой,  
Вытирается старой да полотенешком,  
Обувал козловы сапожки на белы чулки,  
А кунью шубу на одно плечо,  
Пухов-от колпак да на одно ухо.  
Брал он трубоцку подзорную,  
Сам выходит на крылечешко  
И зрит-смотрит во сторону во северну,  
Где на севере стоят да ледяны горы;  
А еще зрил-смотрел во ту сторону востоцную —  
На востоке стоят леса тёмные;  
И ещё зрит-смотрит во ту сторону во южную,  
Где на юге стоят луга зеленые;  
А ещё зрит-смотрит во ту сторону во западну,  
Где на западе стоит поле Куликово.  
Там не славный Буян-остров шатается,  
Не Саратовски горы взгременяются —  
Верно, едет богатырь — забавляется:  
Стрелку кверху он подстреливат,  
На лету стрелу подхватыват,  
На пол не ураниват.  
На левом колене его чернильница,  
На правом колене его бумажеца.  
Он пишет орлык да скору грамотку...

*(На одном ворон сидел плече, на другом... — бел сокол — это не упомянул, пропущиваю.)*

И подъезжает Сокольник ко белу шатру,  
Он подметывает орлык да скору грамотку.  
Выходил старой скорешенько  
И брал записоцку легошенько,  
И давал цитать Добрыне Никитицу.  
Где читал Добрыня да усмехається:  
«Едет детина — похваляется:  
„Еду к вам в стольный Киев-град,  
Пошуметь-погрометь в стольном Киеве.  
Я божьи церкви на дым спущу,  
А деревянные иконы на поплав воды,  
А медны иконы я во грязь стопчу,  
А Владимира-князя я под мец склоню,  
А Апра辛ью-княгиню за себя замуж возьму.  
Крупну силу я выбью сам,  
Мелку силу я повыманю;  
Добрыню Никитича я — во писари,  
А Олешу Поповиця я — во конюхи,  
А Мишку Торопанишку — чашки-ложки мыть,  
Илью Муромца мыть да поварёшечки!“».  
Где закричал старой да громким голосом:  
«Не время-то спать — пора вставать, —  
Не от великого хмелю просыпатися,  
От крепкого сна разбужатися!  
Кого мы пошлём да за богатырём?  
Послать-то не послать нам Самсона сына Колыбанова?  
Послать-то не послать нам Мишку Торопанишку?  
Мишка Торопанишка роду торопливого,  
Не за что он да потеряет буйну голову.  
Послать-то не послать нам Олешеньку Поповиця?  
Олешенька Поповиц роду заговорливого,  
Не за вещь он потеряет да буйну голову.  
Послать-то не послать нам Добрынюшку Никитица?  
А Добрыня Никиниц да роду вежливого,  
Сумет он с богатырем съехаться  
И сумет с богатырем разъехаться,  
И сумеет он богатырю честь воздать».

Где стал Добрыня снаряжаться,  
Заскочил Добрыня на добра коня,  
Поехал Добрыня во чисто поле,  
Догнал Добрыня Сокольника.  
И кричал Добрыня во первой након:  
«Если русский богатырь — поворот держу,  
А не русский богатырь — я напус держу!»  
На это детина не слушался.  
Кричал Добрыня во второй након:  
«Если русский богатырь — поворот даю,  
А не русский богатырь — то напус держу!»  
И на это детина не слушался.  
Кричал Добрыня во третьёй након:  
«Если русский богатырь — поворот даю,  
А не русский богатырь — то напус держу!»  
И на это детина не слушался.  
И где стал Добрынюшка ругаться:  
«Едешь, гадина да перегадина,  
Не лриворачивашь к нам на заставу караульную,  
Не считаешь ты нас, удалых добрых молодцев!  
Летишь, ворона пустоперая,  
Летишь, машешься, сорока загуменная!  
Была у нас убайна коровушка базыкова,  
По загуминам коровина волочиласе,  
Полбвиной она подавиласе.  
И верно те, собаке, то же надобно!»  
На это тут детина поворот держит,  
Подъезжает к Добрыне Никитичу,  
Брал он Добрыню за желты кудри,  
Бросил его на сыру землю,  
И дал он ему тут по тяпушу,  
И прибавил по алабышу,  
И посадил его на добра коня.  
«Поезжай-ка ты назад да во белой шатёр,  
Скажи-ко старику низкой поклон,  
Что он вами, гавнами, заменяется, —  
Ему самому со мной не справиться».  
Едет Добрыня не по-старому,  
Конь его бежит да не по-прежнему,

Повеся держит Добрыня буйну голову,  
Потупя его да оци ясные.  
Где стал старой Добрынюшку выпрашивать,  
Где стал старой Добрынюшку выведовать.  
«Видел я во чистом поле коровину базыкову,  
Шлёт он тебе низкой поклон,  
И говорит: „Что он вами, гавнами, заменяется,  
Ему самому со мной будёт не справиться“».  
Где-то слыхало ухо богатырское,  
Завидело око молодецкое,  
Расходились его плечи могучие.  
Закричал старой да громким голосом:  
«Уздайте-седлайте мне добра коня!  
Возьмите-берите его со восьми цепей,  
Седло кладите через хребетную,  
А на шею кольчужечку серебряну —  
Не ради красы да молодецкой,  
А ради крепости да богатырской,  
Чтобы не оставил конь да во чистом поле.  
Не успеете вы шей котла сварить,  
Привезу я вам погану буйну голову  
На погалинье да на покурканье!»  
Не видали, как старой на коня скочил,  
И не видели, как старой в стремя ступил.  
Только видели: в чистом поле копоть стоит,  
Не золотиста грива коня расстиляется,  
Хвост трубой завивается,  
Из-под копыт коня да искры сыплются,  
Изо рту у коня пламя мецется.  
Где не две горы столкнулися —  
Два богатыря съехались.  
Под ними земля задрожалась.  
Они бились-дрались да целы сутоцки —  
Сабли их пощербалися.  
Бились-дрались да вторы сутоцки —  
Копья их повихалися.  
Бились они дрались да третьи сутоцки,  
Бросили этот бой да на сыру землю,  
И ухватились они в охабоцку.

Где похвально слово старику встретилось —  
Права нога его подломилась,  
Лева нога его показилась,  
И упал старой на сыру землю.  
Заскочил ему Сокольник на белы груди  
И разорвал его латы железные.  
Вытащил ножичек булатный,  
Хотел он ему резать груди белые,  
Хотел его смотреть да ретивó сердцб.  
Где взмолился старой да Богородице:  
«Я стою-борюсь за верушку Христовую —  
Выдали меня поганым на погалинье,  
На погалинье да на покурканье».  
Где не ветер полоской-от взмахивал —  
У старого силы вдвое-втрое прибыло.  
Ухватил он Сокольника за подпазухи  
И бросил его на сыру землю,  
И разорвал его латы булатные,  
Вытащил он кинжалище  
И хотел он ему резать груди белые,  
И хотел он смотреть ретивó сердцб.  
Замахнулся старой во первой након —  
В плечи рука его застояласе.  
Стал старой спрашивать:  
«Кой ты земли, кое племени,  
Каких ты отца-матери?»  
Сокольник ему отвецал:  
«Я когда на твоих грудях сидел,  
Я тебя не спрашивал,  
И ты режь меня, не спрашивай».  
Замахнулся старой во второй након —  
В локтю его рука застояласе.  
Стал старой спрашивать:  
«Коей ты земли, кое племени,  
Каких ты отца-матери?»  
Сокольник ему отвечал:  
«Я когда на твоих грудях сидел,  
Я тебя не спрашивал.  
И ты режь меня, не спрашивай».

Замахнулся старой во третьей након —  
В заведи рука его застояласе.  
Стал старой спрашивать:  
«Коей ты земли, кое племени,  
Каких ты отца-матери?»  
Сокольник ему отвецал:  
«Есть за морем поленица одинокая,  
Это моя мать,  
А отец — прохожий молодец».  
Взял старой Сокольника за подпазухи  
И поставил его на резвы ноги.  
«Ты, говорит, мне сын, а я тебе — отец.  
Поезжай ты к матери родимой  
И приезжай к нам на заставу караульную —  
И не будет тебе в поле поединщика».  
Поехал Сокольник к рódной матери,  
Мать его стала выспрашивать:  
«Где побывал, добрый молодец,  
Кого ты видал в полюшке Куликовом?» —  
«Видел я в полюшке Куликовом коровушку базыкову,  
Тебя блядью обзывают,  
А меня выблядком считает».  
*(И мать зарезал, убил мать.)*  
Тогда поехал Сокольник во белой шатёр,  
Подъехал Сокольник ко белу шатру,  
Забежал Сокольник во белой шатёр  
И ударил старого во белу грудь.  
Был на груди у старого большой чудный медный крест,  
Крест-то выгнулся, а грудь не повредиласе.  
Соскочил старой на резвы ноги,  
Ухватил Сокольника за желты кудри  
И бросил его о кирпичный пол.

*(Зап. Голубковым М. М.: лето 1978 г., д. Боровская Усть-Цилемского р-на  
Коми АССР — от Чупрова Леонтия Тимофеевича, 75 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:  
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.